

Анализ дискурса в свете современной научной парадигмы (лингво-когнитивный подход)

Мы живем в эпоху кристаллизации (уже даже не становления, но именно кристаллизации) новой научной парадигмы, о формировании которой в сфере гуманитарных наук исследователи говорили еще в последней четверти прошлого века. Данная парадигма отмечена как антропоцентризм (мы смотрим на мир сквозь призму человека, и «человек есть мерило всего»), так и, по словам В. Н. Телия, антропостремительными тенденциями (изучая окружающий мир, мы так или иначе обращаем свои взгляды на человека). В современной науке, по крайней мере – в области гуманитарных исследований, мы по сути имеем то, что можно было бы назвать «эпохой Возрождения в научной сфере» по аналогии с эпохой Возрождения в сфере искусства. Это проявляется, в частности, в активном и интенсивном интегрировании наук, в первую очередь – гуманитарных, в появлении в XX веке и в бурном развитии новых научных дисциплин не столько смежного, сколько интеграционного характера, таких, как, например, психолингвистика, когнитивная психология и когнитивная лингвистика, этнопсихолингвистика, лингвокультурология и др.

Предпосылки современной научной парадигмы достаточно хорошо известны, поэтому позволю себе не останавливаться на этом сколь-нибудь подробно, упомянув их лишь «пунктиром». Весь XX век характеризовался повышенным интересом к тем или иным проявлениям человека, его жизнедеятельности и бытия. Это нашло свое отражение в развитии психологии, в частности – психологии личности, культурно-исторической психологии и психологии масс, в развитии антропологии и впоследствии культурантропологии, в становлении психоанализа, обусловленном попытками проникнуть в подсознание и бессознательное (кстати, такие попытки предпринимались не только в психологии и психоанализе, но и в филологических исследованиях: вспомним, например, классические работы Р. О. Якобсона, И. А. Бодуэн де Куртене, А. А. Потебни и др.), в становлении, развитии и распространении модернизма (в философии, в литературе), и т. д., и т. п.

В рамках новой научной парадигмы оформился и лингво-когнитивный подход к анализу дискурса¹ и коммуникации. Данный подход опирается на результаты собственно лингвистических исследований, исследований в области психологии, психолингвистики и этнопсихолингвистики, когнитивных наук (когнитивной психологии и когнитивной лингвистики), коммуникативистики, этнолингвистики, лингвокультурологии и проч. Лингво-когнитивный подход к анализу коммуникации позволяет выделять, анализировать и структурировать:

1) **общелингвистический компонент** (релевантен для любой коммуникации, любого дискурса, любого коммуникативного акта, любого языка, на котором осуществляется общение); при этом исследуется универсальное в коммуникации, осуществляется комплексный анализ всей совокупности факторов, влияющих на процесс коммуникации;

¹ Дискурс в данном случае понимается как вербализуемая речемыслительная деятельность, представляющая как совокупность процесса и результата и обладающая двумя планами: собственно лингвистическим и экстралингвистическим [Красных, 1998: 190-191].

2) **национально-детерминированный** компонент (актуален для национального дискурса, предопределяя национальную специфику последнего); при этом основное внимание уделяется национальному в коммуникации, выявляются и описываются культурно-специфические составляющие, в частности, феномены, которые отражают основные черты национального ментально-лингвального комплекса и, следовательно, обуславливают национально-культурную специфику дискурса.

При таком подходе оказывается возможным рассматривать в одном ряду феномены языковые и дискурсивные. К последним относятся в первую очередь прецедентные феномены (ПФ). Обуславливается это тем, что среди ПФ есть феномены, которые могут быть вербальными и невербальными по своей природе (ср.: «*Война и мир*» и улыбка *Джоконды*, *Счастливые часов не наблюдают* или *Дон Жуан* и мелодия М. Таривердиева из «*Семнадцати мгновений весны*» или *Петродворец*). Это первое. Второе. Что такое ПФ по своей сути, по своему содержанию? Это некий комплекс представлений, образов, спаянных воедино и предстающих как молекулярная единица (структура при этом может быть более простой или более сложной). Мы можем ее расчленивать («музыку я разъял как труп»), но, если мы совершим данную операцию, поменяется суть самого феномена. Можно разделить воду на кислород и водород, но это будет уже не вода. Можно «расчленивать» образ *Бабы Яги* на составляющие: уродливая, безобразная старуха, злая ведьма, способная на «пако-сти», летающая в ступе, управляя помелом, – но, потеряв *совокупность* признаков, мы «рассыплем» образ. Как показывает анализ, при функционировании этого имени, апелляция происходит в первую очередь именно к внешности, однако всегда подразумеваются и возрастные характеристики, и свойства характера (ср.: злую молодую красотку, как показывают опросы, русские назовут скорее *ведьмой*, нежели *Бабой Ягой*). Аналогичные примеры: *Ходынка* – кровавая паника при огромном скоплении народа. *Хиросима* – ядерный кошмар. Если изъять любой из «компонентов», составляющих «дифференциальные признаки» феномена (инвариант его восприятия), исчезнет сам феномен. И еще одна очень важная черта ПФ: именно наличие инварианта восприятия делает феномен прецедентным.

М. К. Мамардашвили, рассуждая о феномене как таковом, писал в «Картезианских размышлениях»: «... феномен передать словами нельзя. Он *должен быть и, тем самым, быть нам известным*, но не в смысле нашей возможности пересказа содержания этого феномена» [Мамардашвили, 1993: 20] (выделено мною. – В. К.). Если перебросить мостик между анализируемой в указанном труде философией Декарта и прецедентными феноменами, то окажется, что «феномен» по Декарту (и по Мамардашвили) тождествен «нашему» инварианту восприятия ПФ: его *не нужно* вербализовать (ибо, если он есть, то самим фактом своего существования, он говорит о том, что он известен).

Большинство ПФ имеют свое «имя», тело знака и в этом смысле они сближаются с языковыми единицами. Но среди ПФ есть целый ряд феноменов, которые своего «имени» не имеют. Например: в АТРЯ-РАС зафиксирована ассоциация «яблоко – гнев», за которой обнаруживаются (что подтверждают постоянные пилотажные опросы) сразу две прецедентные ситуации (ПС): 1) «суд Париса» – имя ПС, куда входит и гнев, хотя сама ситуация «гнева» никак не обозначена: собственно суд *предшествует* гневу; и 2) вкушение от древа познания, вызвавшее Божий гнев и изгнание из рая; здесь также нет имени ситуации «гнева»: мы имеем либо нарушение запрета, что *предшествует* гневу, либо изгнание, что *следует за* гневом. Или из того же источника – Библии: предательство Иудой Христа. Это не собственно «имя» ситуации (где в своей речи мы можем использовать это сочетание?), это скорее описание ситуации, ее «мета-имя», если угодно, удобное для анализа, но не возможное для

использования в естественном общении. Особого разговора заслуживают прецедентные высказывания, включаемые в класс ПФ, но отличающиеся от других ПФ по целому ряду признаков. Например, при наличии фиксированной, «оригинальной» формы ПВ, как правило, полностью удовлетворяющей признаку «надличностный характер феномена», существует принципиальная возможность и частотность трансформаций ПВ в зависимости от реальной конкретной ситуации общения (классическое *быть или не быть* в современных СМИ и массовой литературе с легкостью трансформируется в *пить или не пить, бить или не бить, жить или не жить* и под.).

Иначе говоря, ПФ по своему «содержанию» есть некий комплексный образ, сложное представление, которое понятно при апелляции к нему, не требует расшифровок и объяснений, но которое подчас не может быть поименовано в прямом смысле этого слова. Все это заставляет говорить о ПФ (прецедентных именах, текстах, ситуациях и высказываниях) именно как о дискурсивных единицах.

При лингво-когнитивном подходе к анализу дискурса языковые и дискурсивные единицы рассматриваются как тела знаков языка культуры, при этом указанные единицы, будучи рассмотрены в пространстве культуры, в поле культурного пространства, по мнению ряда ученых (например, В. Н. Телия), сами становятся знаками культуры.

Если исходить из того, что специфика общения при использовании конкретного национального языка состоит 1) в специфике построения речевой цепи, осуществляемого по грамматическим правилам этого языка, и 2) в специфике образов сознания, отображающих предметы конкретной национальной культуры, то понятно, что для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы коммуниканты обладали 1) общностью знаний об используемом языке (и общностью навыков речевого общения), а также 2) общностью знаний о мире в форме образов сознаний [Тарасов, 1996: 8]. Другими словами, совершенно очевидно, что для общения коммуникантам необходима общность знаковых средств и определенная общность социального опыта. И хотя «последняя никогда не бывает полной» [Тарасов, 1975: 146], все-таки можно говорить о потенциальной возможности зоны пересечения индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов, достаточной для адекватной коммуникации. Более того, зачастую наблюдается такое взаимопонимание коммуникантов, которое часто называют пониманием с полуслова, когда, как писал В. М. Бехтерев, «один какой-нибудь, часто даже несущественный, а иногда и крайне преобразованный признак или часть предмета, явления или вообще, действия или движения становится знаком, или символом, вызывающим реакцию, равнозначную с реакцией, вызываемой цельным предметом, явлением, действием или движением» [Бехтерев, 1918: 161].

Очевидно, это связано с тем, что «идеальная коммуникационная ситуация» возникает, по мысли Ю. А. Шрейдера, не тогда, когда смысл и содержание совпадают (это, видимо, в принципе невозможно), но когда хорошо согласуются содержание, вкладываемое в текст автором, и извлекаемая адресатом семантическая информация. Для этого нужно не только и не столько наличие у автора и адресата общей структуры поля значений, сколько общность отмеченных элементов в этом поле, однозначно выделяемых участниками коммуникации элементов – «фокальных точек». Последние «связаны не с языком, а с речью, с конкретной коммуникативной ситуацией» [Шрейдер, 1980: 33-34]. Соответственно, «идеальная» ситуация общения имеет место именно тогда, когда у коммуникантов максимально широкая пресуппозиция (зона пересечения индивидуальных когнитивных пространств, актуальная «здесь» и «сейчас»), что возможно при «совпадении» коллективных когнитивных

пространств и активизации одних и тех же участков когнитивной базы. Такая пресуппозиция и позволяет коммуникантам «отмечать» одни и те же «фокальные точки». И тогда, в таких ситуациях «для выражения своей мысли, иногда достаточно сложной, говорящий употребляет условный знак-сигнал, который понятен слушающему в силу его знакомства с конситуацией, общности каких-то предварительных сведений, разъясняющего жеста и т. п. По существу мы имеем дело с явлением, при котором происходит сплав (синтез) звуковой речи и невербальных средств коммуникации (общности апперцепционной базы² и/или конситуации, иногда жеста)» [Земская, 1979: 64-65] (выделено мною. – В. К.).

Иначе говоря, наличие широкой и глубокой пресуппозиции является необходимым требованием (*conditio sine qua non*) для адекватной коммуникации. И особенно очевидным это требование оказывается для коммуникации межкультурной. Ср.: «Есть основание полагать, что главная причина непонимания при МО [межкультурном общении] не различие языков – сформировать навыки говорения (письма) и слушания (чтения) сравнительно просто, а различие национальных сознаний коммуникантов» [Тарасов, 1996: 8].)

Но в чем состоит «различие национальных сознаний коммуникантов»? Чтобы ответить на этот вопрос, очевидно, следует разобраться в том, что составляет языковое (или, по Н. В. Уфимцевой, лингвокультурное) сознание: что его формирует, что и как в нем «хранится», как эти «единицы хранения» функционируют и что, собственно говоря, предопределяет национально-культурную специфику как самого сознания, так и коммуникации и дискурса. Очевидно, что в число данных «единиц» входят разнообразные знания и представления. В том числе знания и представления об окружающем нас мире во всем многообразии его проявлений, о различных предметах и связях между ними. Безусловно, «наборы» знаний и представлений носят в целом индивидуальный характер и могут значительно различаться. Однако ядро таких наборов всегда носит явно надывидуальный характер. Очевидно, в данное «базовое ядро стереотипных знаний» [Прохоров, 1996: 14] и представлений входят знания и представления о феноменах, хорошо известных и не требующих каких бы то ни было объяснений и комментариев.

Какие же феномены окажутся в центре нашего внимания? Ответ и прост, и сложен одновременно. Прост, поскольку краток и как бы лежит по поверхности: феномены, о которых мы говорим, суть *ментефакты*. А сложен ответ потому, что сразу возникает целый ряд вопросов, важнейший и простейший из которых: а что такое ментефакты? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вкратце сказать, как понимаются в данном случае сознание и действительность и как эти феномены между собой соотносятся.

В понимании того, что есть сознание, мы исходим из постулатов отечественных школ психологии и психолингвистики (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьев и др.). Если говорить коротко, то *сознание* есть специфически человеческая форма отражения действительности и высший тип психики (А. Н. Леонтьев). *Действительность* – это все сущее, материальное и идеальное, реально существующее и воображаемое (в виде, например, воспоминаний о прошлом, мечтаний о будущем, плодов воображения и фантазий), принадлежащее сознанию и лежащее вне его (не за границами сознания, а именно вне его, т. е. материальный мир, который может восприниматься по пяти чувственным каналам). *Соотношение сознания и действительности* может быть определено следующим образом (хотя

² *Общность апперцепционной базы* понимается как наличие общих предварительных сведений, общего житейского опыта у собеседников [Земская, 1979: 64-65], вследствие чего многое можно не называть, не объяснять, оставлять невыраженным.

это, возможно, и прозвучит слишком категорично): сознание входит в действительность. Однако это не отношения части и целого. Если само сознание – отражение действительности, то «содержание» сознания – идеальная сторона действительности. Приведу аналогию: аквариум, в котором плавают рыбки. Рыбки могут жить без воды? Нет. Рыбки и вода – одно и то же? Нет. Так вот, аквариум – это сознание, вода – идеальная сторона действительности, а рыбки – это ментефакты. Другими словами, *ментефакты суть элементы «содержания» сознания, идеальной стороны действительности.*

Ментефакты могут классифицироваться и систематизироваться на разных основаниях. Я предлагаю следующую систему ментефактов, которая имеет несколько рангов разбиения. Первый ранг представлен шкалой «информативность ↔ образность», он дает триаду «знания – концепты – представления».

Полюсы этой шкалы – знания и представления – различаются по целому ряду параметров (представлены информационными единицами или образами; коллективны или индивидуальны; «объективны» или «субъективны»; требуют или не требуют «доказательств»; хранятся в «развернутом» или «свернутом» виде; не включают или включают коннотации и оценки; требуют работы памяти или интеллектуально-творческой работы). Концепты занимают на указанной шкале срединное положение: они в определенной степени принадлежат сфере «рацио» и лишены образной прототипичности (сближаются со знаниями), но в то же время они включают в себя коннотации (сближаются с представлениями). Знания и концепты являются «терминальными» элементами предлагаемой системы и не подвергаются дальнейшему членению, хотя в принципе это возможно. Рассмотрим представленные типы ментефактов чуть подробнее.

Итак, знания – это некие «информационные», «содержательные» единицы, совокупность которых представляет собой определенным образом структурированную и иерархизованную систему (напр., математические и физические правила, химические формулы, местоположение географических объектов, место и даты событий и т. п.). Знания могут быть национально-культурно нейтральны, например: $2 \times 2 = 4$; на планете Земля есть 6 материков; автором «Илиады» и «Одиссеи» считают Гомера, а «Войну и мир» написал Л. Н. Толстой и т. д., и т. п. Но вместе с тем существуют и знания национально-культурно маркированные, окруженные культурно-значимым ореолом, занимающие в культуре особое положение. Культурно значимые знания могут иметь коннотации (в этом их отличие от знаний как таковых), но в любом случае, в отличие от представлений, эти единицы не несут заложенную в них самих систему оценок, которая могла бы накладываться на окружающий мир. Например: «Хочу памятник *Пушкину* поставить... Проводили мы *Анну Петровну*, я и подумал... Ассоциации, знаешь ли. *Там Анна Петровна, тут Анна Петровна... Мимолетное виденье... Что пройдет, то будет мило...* Ты мне помочь должен» (Толстая Т. Кысь. М., 2000. С. 161).

Почему такого рода феномены (та же *Анна Петровна Керн*, а также *Ярослав Мудрый*, *Борис Годунов*, *Меньшиков*, *Потемкин* и другие) причисляются к элементам знаний, а не к прецедентным феноменам? Попробую показать это на примере *Афанасия Никитина*, который также входит, как мне думается, в систему «информационных единиц». Следует отметить, что «информационная наполненность» данной единицы оказалась в значительной мере редуцированной и минимизированной, что в принципе характерно для многих единиц, хранящихся в сознании человека³. Причем в данном случае произошло не свертывание образа-представления в эмотивно-

³ Речь идет о бытовании феноменов в сознании «среднего» русского, типичного представителя русского национально-лингво-культурного сообщества, фактически – о массовом, обыденном сознании.

информативное «сгущение» (ср. *Иван Сусанин, Павлик Морозов*), а простое редуцирование информации: с именем Афанасия Никитина связано то, что он купец и что он «ходил за три моря». Это имя – Афанасий Никитин – не является «именованием» эталона, не выступает в роли символа совокупности дифференциальных признаков некоторого предмета и не функционирует как свернутая метафора, оно не несет систему оценок, и – самое главное – за ним не стоит инварианта восприятия, который позволял бы функционировать этому имени в качестве прецедентного. Таким образом, можно констатировать, что ниша, которую могло бы занять это имя, став прецедентным (купец-путешественник⁴), оказалась нерелевантной для современного русского. Примеры можно продолжать, но, думаю, что следует остановиться на уже сказанном. Тем более что выявление корпуса национально маркированных и культурно значимых знаний еще ждет своего исследования.

Концепт по своей сути есть самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью. Концепт лишен образности (хотя некоторые исследователи как раз настаивают на наличии таковой, см., напр., [Воркачев С. Г., 2002]; ср. [Карасик В. И., 2002]), что роднит его с понятием; концепт, по идее Н. Д. Арутюновой и вслед за ней – С. Г. Воркачева, «понятие, погруженное в культуру». Он обладает эмотивностью, коннотациями, аксиологичен по природе своей, имеет «имя» (хотя при этом может открывать и целый ряд единиц, под «маской» которых он может выступать и в которых он может реализоваться; но все-таки, по моему убеждению, концепт обязательно имеет свое «имя собственное», напр., *судьба, воля, грех, жизнь* и т. д.).

Представления включают в себя собственно представления и образы, а также связанные с ними оценки и коннотации. Они поддаются дальнейшему членению на основе критерия, формируемого двумя основополагающими признаками: единичность vs множественность и прототипичность vs отсутствие таковой (прототипичность в данном случае понимается как наличие изначального «единого» визуального образа предмета).

Приведу примеры полярных феноменов, во-первых, именно потому, что они полярны и в них эти признаки проявляются максимально ярко и рельефно, во-вторых, потому, что эти феномены лучше всего изучены в свете предлагаемого подхода. Итак: *Пушкин* всегда один и уникален, равно, как *Моцарт, Обломов* или *Дон Кихот, 37-й год* или *Варфоломеевская ночь, «Отцы и дети»* или *«Снежная королева», «белая и пушистая»* или *«быть или не быть»*. Такие феномены (а это ПФ) всегда единичны и уникальны. Среди стереотипов (например, стереотипный образ *змеи* или стереотипная ситуация *экзамен*) мы не найдем ни одного, прототипом которого послужил бы единичный, уникальный феномен, в данном случае – конкретная змея или конкретный экзамен.

Между этими «полюсами» (ПФ и стереотипами) на пересечении указанных шкал выделяются еще два типа феноменов. Первый тип представлен «*духами/бестиариями*»⁵ – существами, демонами, «населяющими» действительность того

⁴ Эталоном и символом «богатого купца» для русских выступает скорее *Садко*. С путешественником несколько сложнее – в речи русских мне чаще встречалась «*лягушка-путешественница*», нежели какое-либо имя.

⁵ Данное употребление термина следует признать «неканоническим»: традиционно под бестиариями понимаются иносказательные употребления названий животных. То же замечание справедливо и по отношению к термину «духи»: те персонажи, которые именуются в данной работе таким образом, в научных трудах обычно описываются как «мифологические персонажи», «персонажи низшей мифо-

или иного национально-лингво-культурного сообщества, в окружении которых живут его (сообщества) представители. Для русских это в первую очередь *водяной* и *русалки*, *леший* и *кикимора*, *домовой* и *черт* (люди-полудемоны, типа *ведьма* или *волколак*, в рамках предлагаемой концепции, относятся скорее к стереотипным образам, нежели к собственно духам/бестиариям). Второй тип феноменов представлен «артефактами» – предметами из вторичного, как правило, сказочного мира, которые являются национально-маркированными и значимыми для данной культуры (например, *живая и мертвая вода*, *молодильные яблоки*, *сапоги-скороходы* или *шапка-невидимка*).

Итак, второй ранг разбиения феноменов дает четыре элемента системы: *прецедентные феномены* (ПФ), *духи / бестиарии*, *артефакты*, *стереотипы*. Таким образом, у нас получилась некоторая система ментефактов, которая может быть схематично представлена следующим образом (см. сх. 1).

Схема 1. Система ментефактов⁶.

Посмотрим, как разграничиваются данные феномены по указанному критерию – сочетанию признаков: единичность и прототипичность.

Прецедентные феномены единичны и прототипичны. Изначально единичный образ может иметь множество «масок» (например, *дядя Степа* – это и милиционер, и человек огромного роста), но при этом сам феномен не поддается тиражированию, он может только копироваться. Это можно сравнить с альбомом по искусству: ведь репродукции, представленные в нем, – это не сами картины, равно как и многочисленные копии, написанные самим автором оригинала или другими художниками, – это не оригинальное полотно.

Духи/бестиарии не единичны и не прототипичны, косвенным доказательством чего может служить множественность образов, в которых они предстают человеку. Так, *леший* – старое дерево, небольшой старичок, мужик выше леса; *домовой* – вообще невидим, может принимать образ отсутствующего члена семьи, животного и т. п.; *русалка* – прозрачное существо, обитающее в воде, может выходить на берег в виде молодой девушки; *водяной* – старик, который может оборачиваться камнем, ко-

логии». Однако я полагаю, что использование терминов «бестиарии» и «духи» в том значении, как они употребляются в этой статье, вполне допустимо, поскольку эти персонажи, во-первых, часто принимают обличье представителей мира животных (напр., *домовой*, *леший*, *водяной* и т. д.), во-вторых, по сути сближаются с собственно духами (*домовой* воспринимается как дух дома, дух первопредка; *леший* – дух леса, *водяной* – дух водного пространства и т. д.).

⁶ Аббревиатуры: ПФ – прецедентные феномены, ПС – прецедентная ситуация, ПТ – прецедентный текст, ПИ – прецедентное имя, ПВ – прецедентное высказывание.

рягой, плывущим по воде яблоком, даже туманом [СД-1, 1995], и т. д. И хотя у нас есть некое общее представление о том, как выглядят тот же водяной или, например, кикимора, но в данном случае, очевидно, следует говорить о том, что изначальное множество образов путем некоторой селекции признаков сложилось в один «инвариантный» образ.

Кстати, некоторые фольклорные персонажи (например, *Иван-дурак* или *Василиса Премудрая*) образуют, на мой взгляд, некоторую зону перехода между собственно ПИ и духами/бестиариями, как ни странно это звучит⁷. С одной стороны, эти феномены, безусловно, относятся к прецедентным именам, а с другой – они так же многолики, как и духи, и имеют различные ипостаси. Так, Иван-дурак – это и Иван-царевич, и Емеля, и стрелец Федот (по другой версии – Андрей), и даже юродивый (см., например, [Панченко, 2000: 341-342]). А Василиса Премудрая – это и Василиса Прекрасная, и Елена Прекрасная⁸, и Марья Искусница⁹.

Артефакты и *стереотипы* – не единичны, но прототипичны. Разница между указанными феноменами заключается в следующем. Изначальный образ артефакта основывается на реалии с последующим *наращением* качеств и/или свойств предмета (*скатерть-самобранка* = «предмет + дополнительные свойства»; *ковер-самолет* = «предмет + дополнительное свойство»; *избушка на курьих ножках* = «предмет + дополнительное признак + дополнительное свойство» и т. д.). Что касается стереотипа, то в самом термине «стерео – тип» заложена «полифоничность» предметов, это изначально собирательный образ. В отличие от артефактов, где идет наращение, здесь происходит *редуцирование* качеств и свойств предмета до значимого минимума (значимого прежде всего в когнитивном и дифференциальном планах).

Среди стереотипов выделяются стереотипы-ситуации (*очередь, транспорт, экзамен* и т. д.) и стереотипы-образы. Среди последних на основе того, к какому фрагменту мира принадлежит «предмет», можно выделить «мир флоры и фауны» (биоморфные образы: *дуб, береза, ворон, крыса, паук*), «мир человека» (антропоморфные образы, например: этнические стереотипы – *англичанин, немец, француз*; профессиональные – *учительница, банкир, геолог*; социумные – *новый русский, бомж*; «нелюди» – *ведьма, колдун, вампир*) и др.

И еще одно замечание, связанное с предлагаемым лингво-когнитивным подходом. Данный подход может с успехом использоваться и в сфере лингвистических исследований (при анализе живой спонтанной коммуникации), и в области этнопсихологии и лингвокультурологии, поскольку позволяет объединять собственно-лингвистические, этнопсихологические и лингвокультурологические исследования. Покажу это на следующем материале.

При анализе образов животных, например, т. е. феноменов различной природы и разного «исторического» порядка («исторического» в свете «археологии культуры» – В. Н. Телия) лингво-когнитивный подход, опирающийся на достижения разных сфер знания, позволяет различать следующие феномены:

а) *собственно мифологические образы*: наиболее древние, восходят к мифологическим представлениям, основанным на архетипических формах осознания ми-

⁷ Особо подчеркну, что в данном случае я говорю не об их происхождении, не о роли, которую эти феномены играют, и не о функциях, которые они выполняют в своих «источниках», не о мире (точнее – «свете»), которому они принадлежат. Я имею в виду близость феноменов по ряду признаков, которые позволяют их классифицировать и определять, что они из себя представляют, какой образ стоит за каждым из них и, следовательно, как они могут функционировать в дискурсе.

⁸ Желательно не путать с древнегреческой героиней, из-за которой случилась Троянская война. Русская Елена Прекрасная встречается, например, в сказке «Иван-царевич и Серый Волк».

⁹ См. статьи И. В. Захаренко в: «Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь», Выпуск 1. (В печати.)

ра; имеют рефлекс в фольклоре (как в фольклорных текстах, так и в ритуалах, обычаях, традиционных символах и проч.); могут имплицитно присутствовать в устойчивых языковых единицах (напр., в именах собственных, зачастую закрепленных в фольклорных текстах, – *Михайло Потапыч Топтыгин*, *Кот-Баюн* или *Сивка-Бурка*; в устойчивых выражениях, часто восходящих к фольклорным текстам, – *черный ворон* или *белый голубок*), относясь к прототипическому образу / ситуации; далеко не всегда осознаются субъектом языка и культуры, зачастую оставаясь для него «закрытыми» (см., напр., мифологические образы Медведя, Кота, Ворона или Волка);

б) *фольклорный персонаж*: конкретное воплощение образа, зафиксированное (в первую очередь) в фольклорных текстах; в отличие от мифологического образа, который, как правило, амбивалентен, фольклорный персонаж престаёт как конкретная ипостась воплощаемого образа, некая «маска» (ср.: былинный Волк или Волк в сказке «Иван-царевич и Серый Волк», явно соотносимый с мифологическим образом Волка, и Волк из сказок о животных, напр., «Лиса и Волк»);

в) *религиозные* (для русской культуры – в первую очередь христианские) *представления*: представления, восходящие к религиозному дискурсу, в частности – к тексту Библии (хрестоматийные примеры – *Овца*, *Ягненок / Агнец*), или освященные христианской традицией; имеет место интерпретация, возможно, древнего, мифологического образа в рамках религиозно-духовного кода культуры (отсюда, напр., легенда о сотворении волка чертом из глины и крови Каина или легенда о сотворении чертом мыши и ее «некрасивом» поведении на Ноевом ковчеге и др.);

г) *современный стереотипный образ*: совокупность инвариантных представлений о феномене (напр., все о том же волке), присущая современному субъекту культуры и языка; возможны неосознаваемые «наивной языковой личностью» связи стереотипа с мифологическим образом или религиозными представлениями; подобно мифологическому образу стереотип также может закрепляться в языке, часто в виде устойчивых выражений, однако в отличие от мифологического образа он легко «считывается», данные устойчивые выражения, с одной стороны, отражают стереотипный образ, а с другой – во многом задают его; именно стереотип, на мой взгляд, являет собой образное основание для метафорообразования и метафорического осмысления (см.: *смотреть волком*, *волком выть*, *волчий оскал*, *волчий аппетит*; *волчьи законы*; «*волком бы выгрыз бюрократизм*» В. В. Маяковского – из той же «оперы», равно как и цикл песен о волках В. С. Высоцкого);

д) «блок» *знаний* о волке или, скажем, о медведе, связанный, например, с его ареалом обитания, средней продолжительностью жизни, спецификой поведения (жизнь в стае или залегание в спячку), выкармливанием и выращиванием детенышей и проч., и проч., и проч.

Исходя из сказанного, можно с определенной долей уверенности говорить о том, что наличествует сложная архитектура знаний, образов, представлений, существующих друг с другом, создающих тонкую многомерную паутину взаимосвязей и взаимозависимостей, что дает право утверждать наличие «многослойности» языкового сознания. При этом каждый слой языкового сознания соотносится с определенным «архео-культурным» пластом и с соответствующим феноменом той или иной природы. Итак, в языковом сознании выделяются:

1) *мифопоэтический* слой / пласт может быть представлен собственно мифологическим образом и фольклорным персонажем / персонажами (при наличии нескольких «масок»), а также образом, пришедшим из религиозного дискурса;

2) *стереотипный* слой / пласт представлен собственно стереотипами-представлениями, как образами, так и ситуациями, с данными образами связанными;

3) «информационный» слой / пласт представлен собственно знаниями, «битами информации»;

4) *метафорический* («метафорически-антропоморфный» – О. Е. Узленко) слой / пласт представлен образами, восходящими к (1-3) и закрепленными в метафорах.

Таким образом, совершенно очевидно, что современное состояние науки, современная научная парадигма неизбежно требуют комплексного, интеграционного подхода к изучению феноменов различной природы, и лингво-когнитивный подход представляется одним из возможных методов анализа дискурса во всей совокупности его (дискурса) составляющих и факторов его обуславливающих.

Литература

1. АТРИЯ-РАС – Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1-6. М., 1994, 1996, 1998.
2. Бехтерев, 1918 – *Бехтерев В. М.* «Добавление» к «Общим основам рефлексологии». Пг. Изд. Риккера, 1918.
3. Воркачев, 2002 – *Воркачев С. Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002.
4. Земская, 1979 – *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
5. Карасик, 2002 – *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
6. Красных, 1998 – Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация.) М., 1998.
7. Мамардашвили, 1993 – *Мамардашвили М. К.* Картезианские размышления. М., 1993.
8. Панченко, 2000 – *Панченко А. М.* О русской истории и культуре. М., 2000.
9. Прохоров, 1996 – *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
10. СД-1, 1995 – Славянские древности. Этнолингвистический словарь. / Под. ред. Н. И. Толстого. В 5-ти тт. Т. 1. М., 1995.
11. Тарасов, 1996 – *Тарасов Е. Ф.* Межкультурное общение - новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 7-22.
12. Тарасов, 1975 – *Тарасов Е. Ф.* Статус и структура теории речевой коммуникации // Проблемы психолингвистики. М., 1975. С. 139-150.
13. Шрейдер, 1980 – *Шрейдер Ю. А.* Семантическая информация и принцип фокализации // Общение в свете теории отражения. Фрунзе, 1980. С. 32-48.